

Мы помним тебя, отец!

30-Е ГОДЫ... Из сегодняшнего далекого далека они кажутся окрашенными двумя цветами: красным цветом революционных преобразований, всенародного энтузиазма и черным цветом репрессий, беззаконий и сиротства. Блюхер и Тухачевский, Курчатов и Мейерхольд, Бухарин и Русланова... Какие люди! Люди-эмблемы времени.

Лес имен. Их жизнь восстановлена по старым книгам, газетам, фотографиям. А кто расскажет нам о “подлесе”, который подчистую сметали безжалостные топоры, рубившие “лес”, о щепках, летевших во все стороны. Только еще живущие среди нас очевидцы и страдальцы тех лет, только воспоминания их тогда малолетних я детей, самому молодому из которых сегодня за шестьдесят.

Это они сохраняют фон нашей истории. Без них прошлое выглядело бы так же ущербно, как Улан-Удэ без оперного театра, Иволга без дацана. Противоречивый колорит того времени сохранили и архивные документы, десятилетия покоившиеся в недрах НКВД-МВД-КГБ с грифом “секретно”. Сыновья и документы рассказали нам еще об одном из тех, чью судьбу безжалостно перечеркнул синий карандаш вождя.

СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК БЛИЗКО

... В ДАЛЕКИЕ предвоенные годы на западной границе Бичурского района в распадке двух гор уютно расположился небольшой бурятский улус Холой (“горло”, “узкое место”). Улочка, застроенная незамысловатыми домами, черноглазые живые ребяташки, с детства вместе с запахом ая-ганги познавшие вкус и пот крестьянского труда. Идеи коллективизации были подхвачены и здесь. Одним из активистов был Цыден Молонович Ломбоцыренов.

Умный, деловой, красивый душой и телом. Земляки-харлунцы знали, кому доверить власть у себя, избрав его председателем сомонного совета. Через два года Цыдена Молоновича перевели на эту же должность в Мурочи, а затем в Кудара-Сомон.

В семье подрастали два жизнерадостных, живых, как огоньки, паренька. Души не чаяла в детях молодая мать Гуржап Жабаевна. Берегла огонь в очаге, любила мужа, почитала свекра, пела колыбельные песни своим наследникам. А беда уже стучалась в дверь. Она вырвала многих бичурян, не щадя ни старообрядца, ни сибиряка, ни бурята. Как метлой мели. Каждое утро, выходя на улицу, смотрели, кого нет, кого увезли...

Ц.М. Ломбоцыренова не взяли, как других, дома ночью. В начале сентября 1937 года председателя сельсовета вызвали в Кяхту якобы на 3-месячные курсы. Там и арестовали, официального известия семья не получила. Узнали от людей. Началось хождение по мукам жены, доселе едва ли бывавшей

дальше своего улуса. Не раз добиралась она до Кяхты, пытаясь узнать о судьбе мужа, передать съестное и одежду. Но от печально известных Красных казарм, где содержались арестованные, их бранью и угрозами отгоняли охранники. Беда свалилась на незащитную семью. Горе, неизвестность, унижение, презрение со стороны некоторых земляков обрушились на молодую женщину с двумя сыновьями, старшему из которых было пять лет, а младшему два года. Вернулась Гуржап Жабаяевна в родной улус, почернев от горя, безысходности, она тяжело заболела. Более двух лет была прикована к постели, оставив сирот с дедом, которому давно перевалило за шестьдесят.

СЫН ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕЧАЕТ?

ВЕЛИКАЯ война была в разгаре. Что испытали дети, что пережили, что ели и что носили - об этом хорошо знают те, кто так же, как они, остались малолетними сиротами. Мужество братьев, взаимовыручка и помощь людей тоненьким светлым лучом спасли их в царстве глухого беззакония. Старший из сыновей, закончив в 1950 году Бичурскую среднюю школу, поступил в пединститут. Мудрый дед Молон во избежание неприятностей, не очень-то веря сталинскому "сын за отца не отвечает", дал внуку фамилию от своего имени - Молонов, но отчество оставил отцовское. После института Геннадий Цыденович Молонов шесть лет проработал директором в школах родного района, закончил аспирантуру в Москве и вот уже более тридцати лет плодотворно трудится в Бурятском университете им. Д. Банзарова. Он учитель учителей. Его знают в каждой школе республики. Его идеи и новации претворяются в жизнь во многих учреждениях образования. По его пособиям учатся студенты от Урала до Дальнего Востока. Два года Геннадий Цыденович, выполняя интернациональный долг ученого, работал в Кабульском пединституте ДРА. Им создан учебник педагогики для афганских студентов. Плодотворной и насыщенной была трудовая жизнь младшего брата Бориса.

Ему, профессионалу высшего класса, пришлось работать на Кубе, где он готовил первые кадры кубинских механизаторов. Невероятная, фантастическая работоспособность, одержимость, целеустремленность Геннадия Цыденовича позволили ему, сыну малограмотного репрессированного колхозника, достичь высот: он доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Бурятии. В общем, человек идеальной советской биографии. Он жизнерадостен и неутолим. Но свой рассказ о судьбе своего отца Геннадий Цыденович начал с глубокого вздоха. "Многие годы мы ничего не знали о нем. После XX съезда, как известно, дети ринулись искать отцов. И я написал заявление в КГБ. Справка, которую мы получили, гласила, что наш отец был осужден 7 декабря 1937 года на 10 лет и умер по месту заключения 14 марта 1940 года. Так день 14 марта стал поминальным днем в нашей семье. Но это была ложь. Не поленились сочинить! Разве может человек умереть дважды?"

ЧТО ГОВОРЯТ АРХИВЫ

ПЕРВЕМ ненадолго невеселое повествование сына расстрелянного коммуниста. 8 лет назад в газете “Правда Бурятии” был опубликован мой очерк “Отцы и дети” о судьбе репрессированных бичурян. Я писала со слов вдов и детей, почти не имея в руках документов и тем более доступа к архивам КГБ. Архивы неохотно расстаются со своими тайнами. Тогда-то Геннадий Цыденович и сказал при встрече с затаенной печалью в глазах о судьбе отца и о том, что лишь весной восемьдесят девятого года они с братом узнали правду. “Мы обратились в КГБ, как я теперь понимаю, с наивным вопросом: где умер наш отец, где он похоронен. Мы хотим принести горсть земли с его последнего вечного пристанища на могилу матери. И только тут поняли, что в 57-м году нам просто сказали неправду. Отец действительно был осужден 7 декабря 1937 года и скоропалительным судом-тройкой приговорен к расстрелу. Через три дня, 10 декабря, его не стало... Страшно, что фальсификация рождает ложь, что на смену замалчиванию пришли недосказанность и полуправда. Правды не бывает “немножко”. Она или есть, или ее нет”. Кому и зачем нужна была ложь?

Тогда, в пятидесятые, шла первая волна реабилитации. Органы боялись сразу выложить народу страшную правду о геноциде, о застенках. Перед лицом родных и близких погибших надо было сохранить бутафорский фасад многострадальной страны. Поэтому, думается, смерть разносили по годам и причинам. Убитых за 37-38 годы “разносили” лет на 10 от 1937 до сорок седьмого, придумывая при этом разные причины смерти. Это подтвердит каждый, перед которым прошли множественные судьбы репрессированных. Немало примеров подобной фальсификации и у нас в Бичуре. История пишется не историками, а ее участниками. Лучше их никто эту историю не расскажет. Разве что бесстрастные документы. Если, конечно, они не сфабрикованы. Откроем следственное дело № 1831, одно из 11276 лет осужденных по обвинению в контрреволюции и других государственных преступлениях. Одно из 11 тысяч архивных дел немалых свидетелей трагедии целого поколения. Перед тем как быть расстрелянным, Ц.М. Ломбоцыренов три месяца почти подвергался дознаниям в духе того времени. Что же инкриминировалось председателю Мурочинского сомонного Совета Ц.М.Ломбоцыренову?

"...Из крестьян-бедняков, грамотен, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 года, под судом и следствием не состоял

... изобличается в том, что он, будучи председателем Мурочинского сельсовета, был завербован в контрреволюционную шпионскую организацию ламой Цангольского дацана, производил вербовку в к/р шпионской организации, занимался сбором сведений шпионского характера среди местного населения, колхозников, вел пораженческую агитацию. Поэтому постановлением привлечь Ломбоцыренова Цыдена Молоновича в качестве обвиняемого по ст. 581 “а”, 58-11 УК РСФСР”. Документы свидетельствуют: Ломбоцыренов действует не один, у него уже 3 сообщника.

Через 2 месяца ложится в дело новое становление о переквалификации состава преступления. Оказывается, зарвавшиеся “мурочинские враги” уже создали кадры на случай войны для оружейной поддержки интервентов в целях свержения советской власти”. Добавили статью 58 “2”. Назовем имена "подельников" Цыдена Молонова Байнов Ломбо Будаевич, Цыремпилов Нима, Лумбуев Даши Дашиевич. Выполнен план выкорчевывания вражеских гнезд (даже, если не приходилось продлевать срок ведения, следствия и содержания под стражей обвиняемого). Еще гуляли на воле такие "контрреволюционеры". На листочек с радостным известием подшивается в дело №1831.

Кроме указанных лиц, являющихся членами контрреволюционной повстанческой организации, выявлены новые члены этой организации, подлежащие изъятию (?Как вещь – Н.К.) привлечению за контрреволюционную деятельность. Тогда их стало 7 человек. Папка пухла, дело продвигалось. Все шло по заданному сценарию. Можно ставить точку. Роковую точку. Пулей.

Выписка из протокола заседания тройки НКВД. Секретарь тройки Зуева.

Приговор: Расстрелять. Лично ему принадлежащее имущество конфисковать. И приписка: Приговор приведен в исполнение 10.12.1937 г. Так, в сентябреноябре вскрыта и ликвидирована националистическая шпионская организация (см. постановление от 18 апреля 1941 г. в том деле). А вот и знакомый почерк Геннадия Цыденовича: «Прошу пересмотреть дело отца, ибо по моим понятиям он не должен быть виновен. Он был оклеветан...

МОИ репрессированные невинные земляки. Воистину стоило копнуть этот мертвый слой, и оттуда, из небытия, стали подниматься, держась друг за друга, тени убитых и умерших. Умерших бесславно, обреченных, казалось бы, на вечное забвение. Но нет, говорят, человек умирает не тогда, когда он умирает, а когда его забывают. Поклонимся праху погибших и великой вере и памяти сыновей в этом жестоком ком мире, полном безверия и беспамятства.

«Мы помним тебя, отец!»

Нелли КОРОБЕНКОВА